ОТРЫВКИ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОФИЦЕРА НОВГОРОДСКАГО ПОСЕЛЕНІЯ (*).

I.

Въ концѣ 1818 года, я опредѣленъ былъ на службу въ новгородское поселеніе, въ округъ полка графа Аракчеева. Въ то время, по всему поселенію стали производиться постройки различныхъ зданій, каменныхъ и деревянныхъ. Работа кипѣла: десятки тысячъ солдатъ заняты были осушкою болотъ въ окрестностяхъ поселенія, вырывали пни и коренья, жгли ихъ, копали канавы, исправляли дороги. Въ то же время, они приготовляли кирпичи для поселенныхъ зданій, пилили доски, сплавляли по рѣкамъ, и т. п.

Кромѣ кадровыхъ баталіоновъ, *для* работъ собраны были военно-рабочіе баталіоны, артиллерія и саперныя роты.

Работы производились ежедневно, лѣтомъ и осенью, за исключеніемъ праздниковъ и субботъ. По субботамъ назначались фронтовыя занятія, отъ которыхъ избавлены были только военно-рабочіе баталіоны.

Такъ какъ казенныя руки, по большей части, не были хорошо знакомы съ строительнымъ искуствомъ, поэтому нанимали вольнорабочихъ: каменьщиковъ, каменотесцовъ, столяровъ и

(*) Въ этихъ отрывкахъ авторъ, по возможности, старается разсказать только тѣ факты, которые бы могли дать хотя нѣкоторое понятіе о бытѣ войскъ новгородскаго поселенія. Бѣдность матеріяловъ, находившихся подъ рукой, не позволила ему касаться болѣе обширныхъ вопросовъ и взглядовъ на это учрежденіе. Можетъ быть, эти воспоминанія вызовутъ другое перо очевидца написать о немъ что нибудь болѣе полное.

другихъ. Эти мастеровые обязывались въ то же время учить солдатъ на практикѣ каждый своему ремеслу. Впослѣдствіи, когда солдаты достаточно уже изучали эти ремесла, вольнонаемные отпускались.

При работахъ находились кромѣ русскихъ и иностранные мастера, инженерные офицеры, механики и архитекторы. Въ числѣ ихъ были и военноплѣнные, оставшіеся въ Россіи послѣ отечественной войны. Къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что многіе изъ нихъ оказывались крайне невѣжественными по своимъ спеціяльностямъ и занимались исключительно натираніемъ красокъ для плановъ нашихъ архитекторовъ. Что же касается до тѣхъ зданій, которыя выстраивались подъ руководствомъ нѣкоторыхъ изъ сихъ чужеземцевъ, то зимой въ нихъ не было возможности жить отъ холода: между швовъ этихъ неудавшихся зданій свободно проходила офицерская шпага. Впослѣдствіи всѣ эти зданія пришлось перестраивать (*).

Въ 1822 году, въ округѣ графа Аракчеева постройки каменныхъ и деревянныхъ домовъ приходили къ концу. Первые назначались для помѣщенія полковыхъ штабовъ; вторые, называвшіеся *связями*, для поселянъ съ ихъ семьями. Въ каждой изъ этихъ связей было два помѣщенія для двухъ семействъ и общая большая комната, въ которой складывались сельскіе инструменты. Дворъ при нихъ раздѣлялся также надвое, съ особымъ для каждаго хозяина амбаромъ, конюшнею и хлѣвомъ.

Изъ нѣсколькихъ связей составились роты; при каждой ротѣ устроенъ былъ, такъ называемый, ротный дворъ и тутъ же зданіе ротнаго комитета.

(*) Двое изъ иностранныхъ мастеровъ предложили начальству военнаго поселенія строить *землебитные* дома. Такъ какъ, вмѣсто обыкновенныхъ строительныхъ матеріяловъ, для постройки такого рода зданій требовалась земля, то выгоды для казны были очевидны. Когда проектъ, поданный иностранцами былъ утвержденъ, приступили къ постройкѣ пока двухъ такихъ домовъ. Прежде всего сдѣланы были два большихъ деревянныхъ ящика, въ которые всыпалась извѣстнаго грунта земля (хрящеватая); земля эта потомъ уколачивалась трамбовками, и, такимъ образомъ, въ ящикахъ выводились стѣны.

Работы эти начались раннимъ лѣтомъ, и къ концу осени положены уже были поперечныя балки. Но на этомъ работа и прекратилась. Пошли, къ счастію, сильные дожди и стѣны были размыты.

Говорю: къ счастію, потому, что, въ противномъ случаѣ, вѣроятно, построили бы нѣсколько десятковъ такихъ домовъ и, слѣдовательно, потрачено бы было много трудовъ и денегъ совершенно безполезно.

Эта неудача лишила иностранцевъ-строителей довѣрія начальства. Обоимъ имъ предложено было уѣхать изъ поселенія.

Затѣмъ въ полковомъ штабѣ находились обширныя помѣщенія для офицеровъ, состоявшихъ при штабѣ, церковь, госпиталь и манежъ.

II.

Занятія поселянъ были двоякаго рода: хозяйственныя и фронтовыя; хлѣбопашество, однако, не составляло важнѣйшаго, хотя время было распредѣлено какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ равнымъ образомъ. На фронтовыя обязанности обращалось особенное вниманіе, такъ что въ самое короткое время поселяне до такой степени успѣвали въ знаніи военныхъ артикуловъ, что не уступали въ этомъ старымъ солдатамъ дѣйствующихъ полковъ. Случалось, что къ намъ въ поселеніе присылали офицеровъ и унтеръ-офицеровъ гвардіи, для усовершенствованія въ фронтовомъ искуствѣ.

Всѣ занятія по домашнему обиходу лежали на хозяйкахъ, какъ это водится обыкновенно въ сельскомъ быту, съ тою только разницею, что на все было распредѣлено время и во всемъ требовалась строжайшая аккуратность. Такъ, напримѣръ, въ 4 часа утра каждая хозяйка должна была встать, истопить печь, приготовить обѣдъ, вычистить скотъ и хлѣвъ.

Лѣтомъ, кромѣ того, наблюдалось за тѣмъ, чтобы до ухода на полевыя работы онѣ поливали водою панели, березки, разсаженныя по главной улицѣ, подметали противъ своихъ домовъ дорогу и проч. Надзоръ за всѣмъ этимъ поручался дежурнымъ унтеръ-офицерамъ и офицерамъ.

Если которая нибудь изъ хозяекъ была замѣчена въ неряшествѣ, неаккуратности во времени или въ какомъ бы то ни было другомъ проступкѣ, то немедленно вытребовалась въ ротный комитетъ, гдѣ сообразно винѣ подвергалась и наказанію.

Замѣчу здѣсь кстати, что ни одна изъ нихъ не имѣла права, безъ разрѣшенія того же комитета, продавать что либо изъ своей собственности — живья или другихъ хозяйственныхъ принадлежностей, какъ-то: куръ, яицъ, масла, кожъ, шерсти и всего, что оставалось въ экономіи. Комитетъ предварительно узнавалъ, по какимъ причинамъ продается излишекъ, и если причины оказывались уважительными, то слѣдовало разрѣшеніе на продажу.

Нерѣдко, впрочемъ, случались проволочки или, какъ говорится, откладываніе въ долгій ящикъ, и разрѣшеніе приходило уже въ

то время, когда предметъ, назначенный къ продажѣ, портился, терялъ свою цѣнность или же исчезалъ вовсе, вслѣдствіе какихъ нибудь непредвидѣнныхъ случаевъ.

Къ тѣмъ изъ поселянъ, у которыхъ не было дѣтей, вытребовались изъ разныхъ баталіоновъ военные кантонисты, по одному или по два, смотря по мѣрѣ надобности. На содержаніе ихъ отпускались особенные пайки (*), и попеченію поселянокъ предоставлено было, чтобы кантонисты не были ничѣмъ обижены. Послѣдніе, въ свою очередь, должны были вести себя относительно своихъ хозяевъ какъ бы родныя дѣти и называть ихъ *батюшкой* и *матушкой*. Но потому ли, что большая часть кантонистовъ были уже взрослые или, вслѣдствіе тѣхъ фальшивыхъ отношеній, въ которыя одни становились къ своимъ названнымъ дѣтямъ, другіе къ родителямъ, какъ бы то ни было, только нерѣдко поднималось знамя семейнаго бунта, сопровождаемаго ссорами, драками, и затѣмъ съ обѣихъ сторонъ поступали жалобы въ ротный комитетъ.

Цѣль, съ которой вытребовывались кантонисты въ поселеніе, главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы пополнить рабочія руки тамъ, гдѣ ихъ недоставало.

Благодѣтельнымъ послѣдствіемъ близкихъ отношеній между кантонистами и поселянами было, хотя отчасти, распространеніе грамотности между послѣдними.

III.

Тотчасъ по водвореніи поселенныхъ войскъ, всѣмъ крестьянамъ велѣно было сбрить бороды, и вслѣдъ затѣмъ они надѣли обще-армейскую форму (**).

(*) Женамъ и дѣтямъ поселянъ отпускались также особые пайки.

(**) Приказаніе сбрить бороды произвело сильное впечатлѣніе на крестьянъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ принадлежали къ раскольничьимъ сектамъ. Крестьяне просили полковыхъ цирюльниковъ, чтобы тѣ возвращали имъ по крайней мѣрѣ уже отрѣзанныя бороды. Цирюльники придумали сдѣлать спекуляцію и стали возвращать бороды не иначе, какъ за деньги. Крестьяне отдавали послѣднее, чтобы вырвать изъ корыстолюбивыхъ рукъ свою собственность, когда-то столь дорогую каждому изъ нихъ. Даже жены ихъ принимали участіе и приносили выкупъ за бороды своихъ мужей. Начальство, узнавъ о продѣлкѣ цирюльниковъ, приказало возвращать бороды по принадлежности, а старикамъ даже разрѣшено было не сбривать ихъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ-раскольниковъ, подучаемые своими наставниками, стали, послѣ вышеописанной катастрофы, носить подъ платьемъ желѣзныя вериги, дабы, какъ они говорили, замолить постигнувшій ихъ гнѣвъ Божій. Однажды, при наказаніи одного изъ нихъ за нехожденіе къ исповѣди, замѣчены были на тѣлѣ его язвы. Начальство, узнавъ о причинѣ ихъ, приняло самыя строгія мѣры къ уничтоженію этого добровольнаго самоистязанія.

Способнѣйшіе изъ нихъ поступали потомъ на укомплектованіе поселенныхъ войскъ.

Такимъ образомъ, бытъ поселеннаго солдата во всемъ почти сливался съ бытомъ собственно поселянина; разница заключалась только въ томъ, что первый несъ по преимуществу службу фронтовую и въ свободные часы помогалъ поселянину въ полевыхъ и хозяйственныхъ трудахъ; послѣдній же, занимаясь хозяйствомъ, обучался въ то же время и фронтовому искуству.

Матеріяльныя потребности поселеннаго солдата вполнѣ удовлетворялись хорошей свѣжей пищей и одеждой (*). Единственно, въ чемъ онъ особенно нуждался, это въ отдыхѣ. Занятому постоянно сложными и обременительными обязанностями, ему оставалось для отдыха часовъ 6 или 7 въ сутки. Это одна изъ причинъ, вслѣдствіе которой число больныхъ въ госпиталяхъ было постоянно значительно. Къ сожалѣнію, и здѣсь корыстолюбіе госпитальныхъ властей мѣшало солдату, въ полномъ смыслѣ, предаться отдыху. А, между тѣмъ, частыя ревизіи и инспекторскіе смотры, казалось бы, должны были съ этой стороны оградить интересы солдатъ; но чѣмъ строже была повѣрка, тѣмъ искуснѣе и осторожнѣе становились эти власти.

Инспекторскіе смотры производились по нѣскольку разъ въ годъ. Инспектирующими были обыкновенно начальникъ штаба поселенныхъ войскъ, бригадные, дивизіонные и отрядные командиры. Кромѣ того, одинъ разъ въ годъ, а иногда и два, инспектировалъ самъ главный начальникъ поселеній—графъ Аракчеевъ.

Инспектированіе производилось чрезвычайно строго, до самыхъ мельчайшихъ подробностей, начиная съ иголки до продовольствія и одежды.

Внезапность, съ которою почти всегда дѣлались эти смотры, способствовала отчасти открытію злоупотребленій. Наказаніе арестомъ, отданіе подъ военный судъ, лишеніе чиновъ и ссылка—вотъ чему подвергались уличенные въ такихъ злоупотребленіяхъ. Но это случалось рѣдко.

Что же касается до отвѣтовъ, которые давали солдаты при личныхъ спросахъ инспектору, то они почти устраняли всякія подозрѣнія. «Всѣмъ довольны»—было обыкновеннымъ отвѣтомъ

(*) Солдаты получали, кромѣ обыкновенныхъ щей и каши, раза три въ недѣлю мясо и столько же разъ вино.

солдатъ. Иначе и быть не могло. Если случалось, напримѣръ, что кто нибудь изъ нихъ рѣшался сказать противное, то, несмотря на то, что такого солдата тотчасъ же переводили въ другую часть войска, новыя власти, подъ начальство которыхъ онъ поступалъ, естественно смотрѣли на него недружелюбными глазами, и жизнь его ежеминутно отравлялась придирками и наказаніями. Даже товарищи старались убѣгать близкихъ сношеній съ нимъ, боясь навлечь на себя гнѣвъ начальника.

Впрочемъ, потому ли, что графъ Аракчеевъ видѣлъ физическую невозможность искоренить зло, или потому что въ введенной имъ строгой дисциплинѣ онъ полагалъ полное благополучіе и порядокъ и затѣмъ уже не видѣлъ ничего больше,— подобные примѣры случались, какъ я уже сказалъ, рѣдко. На *грѣшки* онъ иногда смотрѣлъ, какъ говорится, сквозь пальцы, если только грѣшки эти не переходили извѣстную мѣру. Въ нашемъ округѣ былъ смотритель госпиталя, котораго Аракчеевъ зналъ какъ взяточника, но ловкаго и изворотливаго: изъ воды сухъ выходилъ,—и Аракчеевъ сказалъ однажды: «пусть бы ужь онъ (смотритель) бралъ съ рубля 10 процентовъ, а то, боюсь, тянется за 20». Смотритель дѣйствительно бралъ 20, а можетъ быть бралъ бы и меньше, если бы не приходилось дѣлиться то съ тѣмъ, то съ другимъ; перепадали крупицы и на долю его помощника, и на долю доктора и штабныхъ офицеровъ. Въ охотникахъ попользоваться этими крупицами не было недостатка, особливо тамъ, гдѣ приходилось упираться на пословицу: «рука руку моетъ».

IV.

Пробѣгая мысленно рядъ годовъ, проведенныхъ въ поселеніи, гдѣ одна фронтовая служба поглощала все существо человѣка, гдѣ безусловное стремленіе къ возможно-строгой дисциплинѣ становилось задачею его жизни, какою то idée fixe, и возвращаясь къ настоящему времени, съ особеннымъ чувствомъ твердишь: «что было, то не будетъ вновь».

Въ жизни поселеннаго офицера (какъ и солдата) не было темныхъ или свѣтлыхъ сторонъ: была одна, если можно такъ выразиться—сторона безцвѣтная, гнетущій, тяжкій рутинизмъ, заѣдавшій всякую человѣческую способность,—рѣшительное отсутствіе всякой разумной мысли и слова.

Въ быту нашихъ офицеровъ умственной жизни, высшихъ потребностей и тому подобнаго существовать почти не могло.

Въ разговорахъ, предметомъ, «вызывающимъ на размышленіе», говоря словами Гоголя, былъ исключительно фронтъ. О современныхъ книгахъ и журналахъ у насъ имѣли весьма темное понятіе. Книги считались роскошью, почти непозволительною. Былъ, говорю, фронтъ, а затѣмъ нѣсколько часовъ отдыха, т. е. ночь, которая большею частію офицеровъ проводилась въ развлеченіяхъ извѣстнаго рода: картахъ, винѣ, и т. п. По праздникамъ кулачные бои на рѣкѣ Волховѣ, и затѣмъ опять фронтъ и какая-то жажда соперничества по этой части.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы начальство не сознавало необходимости не давать уснуть совершенно всякой умственной дѣятельности, и поэтому, не помню какъ въ другихъ округахъ, но въ нашемъ одно время издавался семидневный листокъ, что-то въ родѣ еженедѣльной газеты. Заключалъ въ себѣ этотъ листокъ сочиненія нѣкоторыхъ офицеровъ (изъ семинаристовъ) и кантонистовъ на заданныя темы. Темы задавались цензоромъ на какіе нибудь предметы изъ обыденной жизни. Вотъ случай, который можетъ дать читателю хотя небольшое понятіе о томъ, что такое была эта газета. Цензоръ (въ то время былъ одинъ штабъ-офицеръ, едва умѣвшій подписывать свое имя и выбранный въ цензоры за отличное знаніе фронтовой службы) задалъ однажды тему: какимъ образомъ вывести въ нѣкоторыхъ каменныхъ зданіяхъ сверчковъ, которые сильно безпокоили живщее тамъ начальство? Кто-то изъ офицеровъ-редакторовъ, не находя никакихъ другихъ средствъ, предложилъ одно, весьма радикальное — срыть эти зданія. Редакторъ сильно поплатился за то, а цензору предложили въ чистую. Вообще же говоря, газета эта служила чѣмъ-то въ родѣ дѣтскихъ упражненій по части грамматики (*).

(*) Какъ примѣръ того, какихъ людей могла выработать поселенная жизнь, я разскажу нѣчто объ этой замѣчательной, въ своемъ родѣ, личности маіора-цензора. Когда-то онъ командовалъ баталіономъ и по разнымъ непріятностямъ долженъ былъ выйдти въ отставку. Одинъ зажиточный помѣщикъ, уѣзжая за границу, предложилъ ему управлять своими имѣніями. Маіоръ принялъ охотно предложеніе и 4,000 жалованья; но когда черезъ полтора года помѣщикъ возвратился въ свои помѣстья, то былъ пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ: маіоръ роздалъ всѣмъ крестьянамъ, способнымъ, по его мнѣнію, носить оружіе, деревянныя ружья, завелъ караулы, ученья, плацъ-парады и, такимъ образомъ, отнявъ большую часть времени у крестьянъ, разстроилъ хозяйство и ихъ и помѣщика такъ, что и первымъ и послѣднему приходилось чуть не по міру идти. Получивъ отказъ въ управленіи имѣніями, маіоръ, сѣтуя, на людскую неблагодарность, явился на службу въ новгородское поселеніе и здѣсь-то вскорѣ былъ назначенъ цензоромъ.»

Оканчивая эти воспоминанія, я остановлюсь на томъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоялъ Аракчеевъ къ поселянамъ, какъ начальникъ. Принадлежа къ числу тѣхъ личностей, которыя вмѣстѣ съ необычайною строгостію соединяютъ въ себѣ въ то же время и какую-то заботливость о подчиненныхъ, онъ не держалъ себя относительно солдатъ на недосягаемой высотѣ. Въ закаленномъ дисциплиною и строгостію солдатѣ онъ видѣлъ идеалъ: только въ человѣкѣ, прошедшемъ по такому пути, можно было, какъ казалось ему, повидимому, искать залогъ вѣрнаго и честнаго защитника своего отечества.

Послѣдствія показали, на сколько онъ ошибался въ этомъ.

Съ высшими чинами Аракчеевъ былъ строже и недоступнѣе, можетъ быть потому, что встрѣчалъ здѣсь часто и лесть, и обманъ.

Часто по ночамъ онъ заходилъ къ солдатамъ смотрѣть, какъ они спятъ, все ли исправно у нихъ, и тутъ его вниманіе обращалось на самые мелкіе предметы.

И солдаты любили его на столько, на сколько не любили большинство имъ же поставленныхъ надъ ними начальниковъ.

Объяснять причины всего этого я не имѣлъ въ виду; всякій можетъ объяснять ихъ по своему.

Въ заключеніе нельзя не сказать о томъ, что учрежденіе военнаго поселенія въ Новгородской губерніи принесло ей немаловажную пользу.

Не говоря уже о томъ, на сколько работы, въ теченіе многихъ лѣтъ производившіяся по всему поселенію, улучшали землю, обратили негодные луга въ отличныя поля, вмѣстѣ съ учрежденіемъ поселенія стали исправляться дороги, оживилась и торговля всей губерніи, прекратились грабежи и разбои по всѣмъ трактамъ, тогда какъ прежде часто случалось грабили почты, несмотря на конвои, сопровождавшіе ихъ; о проѣзжихъ и обывателяхъ и говорить нечего: никто не рѣшался сдѣлать и десяти верстъ не вооружась.

И. А. КРЫМОВЪ.

Петербургъ. 1861 года.